

Научная статья

УДК 94 (470.6)''18''

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.5>

ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА В ОТРАЖЕНИИ КОЛЛЕКЦИЙ КАВКАЗСКОГО МУЗЕЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

Татьяна Александровна Колосовская^{1*}, Александр Андреевич Жердев²

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, доцент

tkolosovskaia@ncfu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6770-7711>

² Ставропольская краевая универсальная научная библиотека им. М.Ю. Лермонтова (14, ул. Маршала Жукова, Ставрополь, 355035, Российская Федерация)

mr.zherdev@inbox.ru; <https://orcid.org/0009-0004-0438-9006>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Статья посвящена научной проблеме конструирования этнографического знания о Кавказе в поздней имперский период. Вопросы сбора, систематизации и популяризации сведений о традиционной культуре местных народов рассматриваются в институциональном аспекте на материалах Кавказского музея. **Материалы и методы.** На основе широкого круга источников авторы характеризуют роль музея в формировании представлений о местной этнографии. Анализ содержания этнографических коллекций и их экспозиционного оформления в контексте взаимодействия власти, науки и общества, позволил показать какими средствами и в каком духе проходила эта работа. **Анализ.** В фокусе рассмотрения оказались исследовательские практики директора музея Г. И. Радде и его современников по созданию и развитию Этнографического отдела музея. Среди дарителей экспонатов было не мало известных государственных деятелей. Однако главным источником пополнения музейных фондов были предметы материальной и духовной культуры, приобретаемые Радде во время его путешествий по Кавказу или в результате взаимодействия с другими учреждениями и учеными. Особое внимание в статье уделяется выработке оригинального подхода к экспозиции этнографических предметов. Авторы приводят различные точки зрения современников по данному вопросу. **Результаты.** Делается вывод о том, что при поддержке местной администрации, а также благодаря энергии и трудолюбию Г. И. Радде, Кавказский музей превратился в ведущий научно-просветительский центр местной этнографии. В условиях, когда научное знание о народах региона

только формировалось, он представлял собирательный образ традиционной культуры Востока, сформировавшийся в массовом сознании современников. Его этнографические коллекции демонстрировали многообразие местных народов, недавно ставших российскими подданными и тем самым подчеркивали мощь и величие империи в целом. Обосновывается также научное значение музея, объективно способствующего приращению этнографического знания о регионе.

Ключевые слова: Российская империя, Кавказ, этнографическое кавказоведение, Кавказский музей, этнографическая коллекция, Г.И. Радде

Для цитирования: Колосовская Т. А., Жердев А. А. Этнография Кавказа в отражении коллекций Кавказского музея (вторая половина XIX – начало XX в.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 588-595. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.5>

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00302, <https://rscf.ru/project/23-28-00302/>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 20.08.2023.

Статья принята к публикации: 26.09.2023.

Research article

THE CAUCASUS ETHNOGRAPHY IN THE CAUCASUS MUSEUM COLLECTIONS (SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CC.)

Tatiana A. Kolosovskaya^{1*}, Alexandr A. Zherdev²

¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Doctor. Sc. (History), Associate Professor

tkolosovskaia@ncfu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6770-7711>

² Stavropol Regional Universal Scientific Library named after M.Yu. Lermontov (14, Marshala Zhukov St., Stavropol, 355035, Russian Federation)

mr.zherdev@inbox.ru; <https://orcid.org/0009-0004-0438-9006>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The paper focuses on the issue of constructing ethnographic knowledge about the Caucasus in the late imperial period. All issues of collecting, systematizing and popularizing information about the traditional cultures of local peoples are considered from an institutional aspect using materials from the Caucasus Museum. **Materials and Methods.** The authors characterize the role of the museum in shaping ideas about local ethnography based on a wide range of sources. The analysis of the content of ethnographic collections and their exhibition design

in the context of interaction between government, science and society was carried out. It showed by what means and in what spirit this work took place. **Analysis.** The paper focuses on the research practices of museum director G. I. Radde and his contemporaries in creation and development of the Ethnographic Department of the museum. The author shows that quite a few famous statesmen acted as contributors of the exhibits. The main source of replenishment of the museum collections were objects of material and spiritual culture acquired by Radde during his travels in the Cau-

casus or as a result of interaction with other institutions and scientists. Particular attention is paid to the development of an original approach to the exhibition of ethnographic objects. The author gives various points of view of contemporaries on this issue. **Results.** The authors conclude that with the support of the local administration, together with G. I. Radde's energy and hard work, the Caucasus Museum turned into a leading scientific and educational center of local ethnography. In conditions when scientific knowledge about the peoples of the region was just elaborating, he represented a collective image of the traditional culture of the East, formed in the mass consciousness of his contemporaries. His ethnographic collections showed the diversity of local peoples who had recently become Russian subjects and thereby emphasized the power and greatness of the entire Empire. The scientific significance of the Caucasus Museum, which contributes to the rise of ethnographic knowledge about the region, is also substantiated.

Введение. Становление российского кавказоведения входит в число активно разрабатываемых тем в современной исторической науке. История производства этнографического знания о Кавказе в условиях Российской империи является важной ее составляющей. Накопление сведений о кавказских народах в это время приобретает институциональное оформление и находит отражение в деятельности различных учреждений. Свое место среди них занимал Кавказский музей, функционировавший в г. Тифлисе во второй половине XIX – начале XX в.

Вопросы институционализации российского кавказоведения в позднеимперский период рассматриваются современными исследователями как в контексте российской политики в регионе [25], так и в ракурсе оформления местной историографической традиции [8]. Отдельным направлением данной проблематики является история развития музейного дела в регионе. Несмотря на наличие отдельных трудов, в том числе посвященных музеям этнографической направленности [2; 3; 10], разработка темы еще далека от завершения и заслуживает продолжения изучения.

Материалы и методы. В рамках настоящей статьи обратимся к истории функционирования Кавказского музея и проанализируем его вклад в формирование знаний и представлений о местной этнографии в позднеимперский период. В фокусе рассмотрения окажутся исследовательские практики директора музея Г. И. Радде и его современников, направленные на собирание, систематизацию и экспозицию предметов этнографического отдела музея. Анализ содержания этнографических коллекций и их экспозиционного оформления в контексте взаимодействия власти, науки и общества, позволит показать какими средствами и в каком духе проходила эта работа.

Материалами для настоящей статьи выступили отложившиеся в Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА) и частично опубликованные годовые отчеты о деятельности музея, путеводители по музею различных лет издания, а также нарративы директора музея Г.И. Радде и его коллег. В их числе следует выделить подготовленную К. Ф. Ганом биографию Радде. Написанная на основе имеющихся в

Keywords: Russian Empire, Caucasus, the Ethnographical Caucasus studies, the Caucasus Museum, Collections on Ethnography, G. I. Radde

For citation: Kolosovskaya T. A., Zherdev A. A. The Caucasus Ethnography in the Caucasus Museum Collections (second half of XIX – early XX cc.). *Humanities and law research.* 2023;10(4):588-595. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.5>

Acknowledgments: the study has been funded by the Russian Science Foundation, No 23-28-00302, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00302/>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 15.07.2023.

The article was approved after reviewing: 20.08.2023.

The article was accepted for publication: 26.09.2023.

распоряжении автора документальных материалов (музейных отчетов, служебной корреспонденции, личных наблюдений) она является весьма подробным и репрезентативным источником сведений по обозначенной проблеме.

Особое внимание было уделено отложившимся в РГИА делопроизводственным материалам Департамента народного просвещения (Ф. 733), в ведение которого находился Кавказский музей с 1883 г. Речь идет об официальной переписке, проектах положений и справках, включающих информацию о деятельности музея и пополнении фондов вплоть до его закрытия в 1913 г., в связи с постройкой нового здания. О том впечатлении, которое этнографические коллекции музея производили на современников, а также об их оценках представителями научного сообщества, узнаем по заметкам, опубликованным на страницах газеты «Кавказ».

Анализ. Императорская Россия не могла похвастаться большим количеством местных музеев. Попытки их устройства были предприняты в Астрахани, Кишиневе, Сибири (в Барнауле, Иркутске, Тобольске, Енисейске и Минусинске). Но, по оценке современников, чаще всего такие учреждения представляли собой «хранилища довольно жалких коллекций, собранных случайно, без плана и системы – так, что из них нельзя вывести заключения о природе и жителях данной местности» [7, с. 4].

Исключением в этом отношении был Кавказский музей, существенно выделявшийся в ряду других учреждений подобного рода. Идея о его открытии возникла в середине XIX в. при кавказском наместнике М. С. Воронцове. Ее реализация связана с деятельностью Кавказского отдела Русского географического общества (далее – РГО), постановлением которого, 10 мая 1852 г., было решено учредить музей. Задачами последнего являлись сбор и сохранение всего, что касалось этнографии, истории и естествознания края [21, л. 1]. Тогда же в г. Тифлисе было подыскано помещение, куда и стали поступать отдельные предметы, а также небольшие естественно-исторические и археологические коллекции. Однако, тогда музей не получил

должного развития и уже через 10 лет дирекция музея была упразднена, а музейные коллекции оставлены на произвол судьбы.

Благоприятные условия для развития музейного дела в регионе сформировались к середине 1860-х гг. После завершения Кавказской войны усилия правительства были сконцентрированы уже в другом направлении и на повестку дня вышла проблема введения «европейского устройства там, где царил прежде варварство» [14, с. 190]. Большая роль в этом деле отводилась науке и ученым, активно прибывающим в регион. Одним из таких специалистов был Густав Иванович Радде (1831–1903) – естествоиспытатель и путешественник немецкого происхождения. В 1852 г. он переехал в Россию из Данцига, до 1855 г. жил в Крыму, в 1855–1860 гг. участвовал в Восточно-Сибирской экспедиции РГО, затем работал в Петербурге в Зоологическом музее Академии наук. В 1863 г. Радде прибыл на Кавказ, изучению ботаники, зоологии и этнографии которого посвятил всю свою оставшуюся жизнь [11, с. 252].

Уже по окончании первого путешествия Радде по Кавказу следовало решить судьбу собранных им коллекций, которые представляли интерес как для специалистов, так и для обывателей. Тогда вновь вспомнили о находившемся в забвении музее Кавказского отдела РГО. При помощи А. П. Берже и при поддержке со стороны начальника Главного управления кавказского наместника А. П. Николаи, 2 июня 1865 г. наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич утвердил проект создания на его основе Кавказского музея [1, с. 77]. Получив новый штат этот музей окончательно отделялся от Кавказского отдела РГО. Назначенный директором Радде, в ноябре того же года принял от отдела остаток коллекций, принадлежащих первоначальному музею. Их разобрали и привели в порядок, а 2 января 1867 г., в присутствии кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича, состоялось торжественное открытие нового музея.

С самого начала Радде предлагал передать в Кавказский музей все мало-мальски интересные коллекции из других местных учреждений и частных рук и тем самым превратить его в центр, «к которому направится все, имеющее научное достоинство для познания «земли и людей» [15, с. 199]. Согласно разработанной им концепции предлагалось образовать пять музейных отделов, один из которых был посвящен местной этнографии.

Большое внимание этнографическим материалам отводилось еще в музее Кавказского отдела РГО. Их пополнение во многом было связано с энергичной деятельностью А. П. Берже. После реорганизации 1865 г. накопление этнографического материала продолжилось. Уже в первый год управления музеем Радде приступили к изготовлению цельных фигур, представлявших типы жителей Кавказа. В итоге были подготовлены фигуры абхазца, ахалцихского армянина и армянки, а также тушинки. В дальнейшем Радде

планировал увеличить количество фигур до 150 и расположить их по национальным группам, в которых представить мужчину, женщину и ребенка [15, с. 200].

Одновременно в музее были представлены манекены, демонстрирующие типы населения Дальнего Востока и Аляски, что позволяло посетителям познакомиться с народами, представляющими другие окраины Российской империи [15, с. 200].

Сначала для музея был снят частный дом на окраине города, в котором все этнографические предметы сосредоточились в одной из трех зал. Из-за недостатка места, должной научной классификации по значению и времени в их размещении не соблюдалось [14, с. 191]. В этнографическом отделе было немало археологических предметов эпохи камня, бронзы и раннего железного века. Это были обнаруженные в разных частях Кавказа орудия труда древнейшего человека, оружие, украшения, фигурки культового характера и др.

Современная этнография была представлена экспонатами горцев, проживавших ближе к Большому Кавказскому хребту. Их материалам Радде уделил особое внимание, как народам, избежавшим сильного внешнего влияния со стороны Турции, Персии, Грузии и Армении, и сохранившим оригинальность в быту, в нравах и обычаях. Несмотря на крайнюю бедность, они привлекали внимание путешественников, в том числе их домашняя утварь, музыкальные инструменты, оружие. При этом кочевые тюркоязычные народы были представлены в музее преимущественно предметами украшения [15, с. 199].

Собрание оружия включало дорогие персидские клинки и значительное количество древних лат и шлемов с различными надписями. Часть их была передана в музей из Тифлисского арсенала по распоряжению главнокомандующего великого князя Михаила Николаевича. Украшением отдела стали подаренные музеем генерал-лейтенантом И. А. Бартоломеем доспехи и оружие князя Ивана Мухранского, министра двора царя Ираклия II. Радде планировал поместить их на специально изготовленную для этого случая в натуральную величину модель и тем самым наглядно продемонстрировать полный комплект военного снаряжения в вооружения грузинского воина последней четверти XVIII в. [16, с. 203].

На специальных деревянных подставках разместили фотографии местности, отражающие разнообразие кавказского ландшафта. Они были подготовлены военными топографами и переданы в музей из штаба Кавказского военного округа. В дальнейшем Радде планировал разместить фотографии в строгой последовательности по округам и областям так, что «посетителю Кавказского музея с помощью ландкарты возможно будет достаточно ознакомиться с «землей и людьми» [16, с. 203].

Поскольку коллекции музея стремительно увеличивались, то в 1868 г., в центре г. Тифлиса,

напротив дворца кавказского наместника, приступили к постройке для него особого здания [1, с. 81]. Строительные работы велись быстро и уже в сентябре 1869 г. занялись установкой предметов в новых залах. В этом же году в ведение директора музея была передана Тифлисская публичная библиотека. Новое расположение музея, а также более просторные помещения открывали благоприятные перспективы для дальнейшего его развития и превращения в научный и культурный центр региона.

1 сентября 1870 г. музей открыли для публики. Самое благоприятное впечатление на посетителей оказал зоологический зал. В его устройстве чувствовалась рука специалиста. Гораздо осторожнее, и даже с известной долей критики, отнеслись современники к представлению в музее предметов кавказской этнографии. На переднем плане гости видели две большие фигуры: ахалцихской армянки и тушинки. По стенам и в шкафах – одежду, головные покрывала и обувь, оружие, кавказские музыкальные инструменты, предметы роскоши, металлические вещи для домашнего употребления, седла, уздечки и др. подобные принадлежности для лошадей, верблюдов и быков, деревянную домашнюю утварь, модели земледельческих и промышленных орудий, мебель, глиняные и каменные сосуды [13, с. 2].

Посетители терялись в массе разрозненных этнографических предметов. Побывавший в музее, в 1871 г., преподаватель русского языка и словесности Тифлисской гимназии П. П. Надеждин считал, что гораздо полезнее было бы систематизировать материал по этническим группам, проживающим в различных частях Кавказа: на Северном Кавказе – славяне, черкесы, осетины, чеченцы, тюркоязычные кочевники и калмыки; на Западном Кавказе – абхазцы; на Восточном – лезгины; в Закавказском крае – картвелы, гайканы, татары, персы, курды, евреи, греки, немцы-колонисты и др. В такие группы было бы желательно включить и сословных представителей [13, с. 2].

За образец он предлагал взять представление народностей Российской империи на Московской этнографической выставке в 1867 г. Тогда основная масса экспонатов была объединена в группы, где манекены, одетые в национальные костюмы, располагались вблизи построек, среди предметов утвари и хозяйства [24, с. 401]. По мнению Надеждина музей существенно выиграл бы, если установить «группами маски народных кавказских типов со всеми возможными атрибутами, т.е. с платьями, надетыми на чучела мужчин и женщин, с мебелью, моделями домов, храмов (кумирни, мечети), экипажей, судов, бывших в употреблении в частной жизни, с реестрами кушаний и напитков, развешанных около столов на стенах, с почтенными орудиями благороднейшей деятельности человека – труда: орудиями охоты, рыбной ловли, земледелия и ремесел и пр., с орудиями истребления – вооружением, моделями укрепленных мест, осадных машин и пр.» [13, с. 2].

В условиях, когда Кавказ начинал жить общей жизнью с Россией, характерные черты его бытовой жизни с каждым годом стирались. Предложенный подход к устройству экспозиции должен был превратить музей в научно-просветительский центр по сохранению для потомков представлений об оригинальности отдельных этнических групп региона.

Проблема систематизации этнографических предметов осложнялась тем, что с каждым годом их количество стремительно увеличивалось. Среди дарителей экспонатов для этнографического отдела было не мало известных государственных деятелей. Так, кавказский наместник великий князь Михаил Николаевич преподнес музею крест с золотой цепью и драгоценными камнями, портрет Тамерлана персидской работы и фотографию присяги Шамиля в Калуге. Главкомандующий на Кавказе А. М. Дондуков-Корсаков подарил музею фотографии, снятые во время его путешествия в Закаспийском крае. Персидский генеральный консул Мирза Риза-Хан передал музею чапрак (нарядное покрывало, надеваемое на лошадь под седло) и образцы персидского письма [17, с. 17].

Свой вклад в пополнение этнографической коллекции внесли местные учреждения и их руководители. 36 фотографий подарил музею Кавказский статистический комитет. Секретарь Ставропольского губернского статистического комитета И. В. Бентковский передал несколько этнографических предметов калмыков. Председатель Кавказской археографической комиссии А. П. Берже – модель церкви Св. Рипсимии, а также портреты всех выдающихся на Кавказе государственных мужей и женщин с 1801 г. [17, с. 17].

Ряд гражданских и военных чиновников тоже внесли свой вклад в пополнение музейных фондов. Тифлисская архитектура А. Ф. Зальцман подарил 107 гипсовых слепков старых и новых орнаментов; генерал-лейтенант Кауфман – 85 фотографий народностей Средней Азии, а также образцы туранской майолики; тайный советник Н. И. Прибыль – этнографическую карту Кавказа Н. К. Зейдлица [17, с. 17].

Систематическое пополнение и обновление коллекций привело к необходимости расширения помещений музея и надстройки над его зданием еще одного этажа [21, л. 2]. В 1879 г. отдел этнографии переехал на верхний этаж, где разместился в двух просторных залах, что открывало больше возможностей для реализации Радде его творческих идей по организации экспозиции обширного этнографического материала.

После перестройки музея особое внимание было уделено его интерьеру. «Для обыкновенного посетителя внешняя обстановка музея играет не последнюю роль, – подчеркивалось в заметке газеты Кавказ за 1881 г., – ...для обыкновенной публики оно безусловно необходимо, привлекая собой лишних посетителей, оно способ-

ствует распространению сведений о Кавказе, знакомству с его богатствами, а следовательно, и его развитию» [6, с. 2]. Радде понимал, что богатство научного содержания будет интересовать лишь узкую часть общества, в лице представителей ученого мира. При этом он был убежден, что его музей предназначен не только для специалистов, но и для обывателей, поэтому своим убранством и предметами он должен был пробуждать интерес в публике. И чем более это удавалось, тем более музей, по отношению к публике, выполнял свое назначение [7, с. 7].

Посетителей музея поражало изящество музейных интерьеров. Сразу после входа гости попадали в богато украшенные в персидском стиле восьмиугольные сени, с орнаментом белого цвета на голубом фоне. Особая атмосфера была создана и в залах этнографического отделения. Из отчета музея за 1884 г. мы узнаем, что для этой цели была применена так называемая «ковровая живопись»: этнические узоры, изображаемые на коврах, были нанесены на прочные бумажные материи, которыми закрыли порталы, карнизы и потолки. Так, один из залов был декорирован азербайджанскими и кубинскими узорами, другой – туркменскими [22, л. 2 об. – 3].

В 1880 г. Радде вновь вернулся к идее изготовления фигур кавказских народностей и обратился с ходатайством о выделении средств для ее реализации [17, с. 31]. Выполненные местным художником Ф. И. Ходоровичем в естественную величину и облаченные в национальные костюмы, они стали главным, что привлекало к себе внимание посетителя залов этнографического отдела. 50 фигур были систематизированы в группы, которые представляли 1) картвельские народы (грузин, мингрельцев, имеретин, гурийцев, сванов, хевсуров) и осетин; 2) абдзехов и кабардинцев; 3) лезгин, кумыков, чеченцев; 4) абхазцев; 5) персов и закавказских татар; 6) кавказских евреев и армян; 7) туркмен [1, с. 115].

В шкафах были расставлены весьма разнообразные этнографические предметы Кавказа. В их числе разного рода оружие (кинжалы, сабли, шлемы, щиты, кольчуги), седла, музыкальные инструменты, различные сосуды для хранения жидкости, трубки, шляпы и шапки, обувь, женские украшения, домашняя утварь и ткани ручного производства. Некоторые предметы, хранившиеся ранее в шкафах, были установлены рядом с фигурами [19, с. 40–53].

Стены были увешаны местными шелковыми и шерстяными тканями, на полах – местные ковры и войлоки, которые вместе с тканями образовывали богатый материал для изучения промышленности Кавказа [19, с. 54].

Значительная часть представленных в музее этнографических предметов была весьма распространена на Кавказе и приобретена за деньги у местного населения. Но, были в музее и уникальные вещи, которые удалось получить Радде в ходе его частых путешествий по региону.

Это оригинальные местные ткани, шерстяная обувь и принадлежности женских нарядов, которые постепенно вытеснялись предметами европейского фабричного производства даже в отдаленных уголках Кавказских гор [18, с. 38]. Современники понимали, что с каждым годом, все более и более исчезала оригинальная местная этнография и заслуга Радде состояла в том, что своими трудами он помогал спасти «туземные» предметы – эти любопытные остатки местной культуры и сохранить их в Кавказском музее [7, с. 9].

Сам Радде, характеризуя устройство этнографического отдела, подчеркивал, что при его формировании он, по возможности, избегал все чужестранное, не имеющее прямого отношения к Кавказу, в особенности все европейское. «Представить собственную страну и лежащие к востоку соседние земли, – говорил директор музея, – и применить для этого их-же произведения, напр., ткани, украшения и орнаменты, было задачей, которая преследовалась при этом главным образом» [17, с. 16].

Представители академического сообщества упрекали Радде в том, что в музее акцент делается на показных коллекциях, которым отведено больше места, чем коллекциям систематическим. На это Радде отвечал вопросом: «Что лучше по отношению к массе посетителей: представить ли им пустые голые стены и деревянные подставки с животными, или же полные жизни группы животных, размещенных на искусственно изготовленной почве перед верными природе живописными видами на стенах, чтобы этим последним средством привлекать общее внимание, воздействовать на воображение и возбудить интерес к природе и естествознанию?» [17, с. 52]. Так, вместо скучного расположения макетов животных по размеру в шеренгу, на деревянных подставках, Радде создавал живописные композиции, привлекающие к себе внимание и позволяющие почувствовать местную атмосферу.

Этим же принципом Радде руководствовался и при устройстве этнографического отделения, при расположении типов многочисленных кавказских народов. «Позади группы картлийских племен мы усматриваем колхидский ландшафт, – пишет современник. – Там, где поставлены хевсуры, тушинцы, осетины и сванеты, ландшафт представляет характер верхнего древесного предела, по соседству которого живут эти племена: мы видим здесь альпийские луга, а позади снежные горы. В главной зале этого отделения, потолок которой покрыт узорами гладких кубинских тканей, постановлены группы армян, евреев, молукан, духоборцев, курдов, татар, персиян, абхазов, и большая группа дагестанских племен, из которых два авара моделированы самим Радде» [7, с. 8].

В феврале 1888 г. Радде сделал займ на приобретение предметов для пополнения этнографического отдела и придания ему законченного вида. Им были приобретены образцы все-

возможных восточных тканей, которыми был покрыт пол в отделении. По ним можно было легко изучить варианты ткацкого производства и различные сорта войлоков, изготовленных на Кавказе, в Закаспийском крае и в Персии [23, л. 4].

Существенное пополнение этнографической коллекции произошло благодаря приобретению предметов проходившей в г. Тифлисе, в 1889 г., крупной сельскохозяйственной и промышленной выставке. Особый интерес для музея представлял богато обставленный отдел кустарной промышленности на Кавказе. Курировавший этот отдел Е. Г. Вейденбаум охотно согласился по завершению выставки продать или даже подарить музею все модели промышленности и предметы мелкого ручного производства. Пополнение музейной коллекции было столь значительным, что из-за недостатка места в шкафах, Радде пришлось отказаться от принятой систематизации и разместить вновь приобретенные предметы на отдельных столах, в виде этажерок, с общей надписью: «В память Тифлисской выставки предметов сельского хозяйства и промышленности 1889 года» [18, с. 52].

Приобретение экспонатов Тифлисской выставки стало самым существенным и последним пополнением этнографического отдела музея в период его управления Г. И. Радде. Для дальнейшего расширения не хватало ни места, ни средств.

Мнение современников о том, насколько удачно собранные и представленные в Кавказском музее предметы отражали этническое многообразие Кавказа разделилось. Одни считали, что этнографические коллекции, выставленные в двух залах музея, отличались «такой полнотой, что без преувеличения можно сказать, что в них едва ли отсутствует сколько-нибудь выдающийся предмет новейшей этнографии Кавказа, начиная от обыкновеннейших базарных предметов, через всю область кустарной промышленности, до предметов роскоши» [7, с. 13–14].

Другие, за излишнюю увлеченность Радде производимым эффектом в ущерб научности, обрушились на него с жесткой критикой. «В бытность нашу в Тифлисе летом 1891 г. нас поразила внешность музея, – писал профессор М. А. Мензбир, – где все, начиная со стен и кончая коллекциями, рассчитано на то, чтобы бросалось в глаза посетителям» [12, с. 166]. При этом систематизация материала и его научное описание отодвигалось на второй план. Такая критическая позиция основывалась на утвердившемся к тому времени понимании, что для развития этнографии как науки недостаточно еще того, чтобы был этнографический материал. Необходимо чтобы сам сбор этого материала производился не случайно и урывками, а систематически, в порядке, взаимосвязи и полное [24, с. 379].

В роли научного оппонента Радде выступил также известный кавказский статистик и переводчик многочисленных немецких трудов о Кавказе

на русский язык Н. К. Зейдлиц. Свои претензии он изложил в ряде заметок на страницах газеты «Кавказ». Наряду с весьма скептическими оценками достижений Радде в области ботаники и зоологии, он поставил под сомнение его компетентность в вопросах этнографии Кавказа и указывал на фактические ошибки в трудах. Прочитанные Радде, в 1873 г., в Германии четыре лекции о Кавказе он называл не иначе как сказками [4, с. 2]. В доказательство тому Зейдлиц ссылался на то, что распорядительный комитет Кавказского отдела РГО не поддержал идею опубликовать их на русском языке, поскольку «чтения г. Радде не находятся на уровне наших сведений о Кавказе и что, в случае издания их на русском языке, пришлось бы их в одних местах пополнить, а в других переделать» [4, с. 2].

Но самым большим нападкам подверглась музейная деятельность Радде. «При устройстве музея главное внимание обращено не столько на удовлетворение научным требованиям, – отмечал Зейдлиц, – сколько на эффект, на часть декоративную...» [5, с. 2]. Этнографические группы, фрески на стенах – все это, выглядело очень эффектно, но, пишет Зейдлиц, «присмотритесь поближе – и вы вынесете удручающее впечатление: в музее навалены разнообразные предметы, без всякой системы: с птицами уложен павший верблюд, с допотопными животными покоятся антропологические коллекции, возле таблицы, представляющей костяной остов лошади, помещены большие изображения человеческих рас. Хаос особенно царствует в этнографических коллекциях: рядом с музыкальными инструментами лежат трубки и сосуды для питья; между предметами украшения женщин лежат: серебряный образ св. Георгия, Коран, написанный мелким шрифтом, армянская печать; рядом с «фальшивыми» косами женщин находится священное хевсурское знамя – дроша, за которым народ следовал, когда его подымал хевисбери. Трудно себе представить больший хаос» [5, с. 3].

Зейдлиц утверждал, что за свой 25-летний период существования музей не оправдал возлагаемых на него надежд. Он настаивал на другой постановке дела и на создании при музее совета специалистов, «которые заботились бы о том, чтобы он принял более научный характер» [5, с. 3].

Несмотря на критику со стороны отдельных представителей научного сообщества музей уверенно обретал статус ведущего научного центра по изучению и сохранению памяти о традиционной культуре народов Кавказа. Этому способствовала его поддержка со стороны местной администрации. На его развитие систематически выделялись средства и, по словам самого Радде, он всегда пользовался «благоволением высшего начальства» [17, с. 29]. Позитивную роль играло также сотрудничество директора музея с признанными кавказоведами. Помощь в устройстве этнографического отдела оказали Е. Г. Вейденбаум, А. П. Берже и А. В. Комаров [17, с. 16].

Для посетителей музей был открыт три раза в неделю: по вторникам, пятницам и воскресеньям с 10 утра до 3 часов дня. Поскольку многие экспонаты были выставлены открыто, вне витрин, то для обеспечения их сохранности музейщики шли на уловку: гостей предупреждали, что все предметы пропитаны ядом и дотрагиваться до них не рекомендуется [18, с. 36].

Посетителями музея были как жители Тифлиса, так и его гости. Не случайно во всех путеводителях по Кавказу, вышедших из печати в конце XIX – начале XX в., музей уверенно входил в число городских достопримечательностей, заслуживающих особого внимания. Дети до 7 лет не допускались. Плата за вход составляла 20 коп. Воспитанники учебных заведений в сопровождении своих наставников, а также нижние чины в сопровождении офицеров посещали музей бесплатно. Впрочем, бесплатно мог войти любой, кто об этом попросит. Общее число посетителей к 1892 г., т.е. за 25 лет его полноценного функционирования, составило более 100 тыс. человек [17, с. 61–64].

В 1899 г. Г. И. Радде приступил к описанию коллекций Кавказского музея. Результаты этого обширного и сложного труда предполагалось представить в шести томах. Четвертый том посвящался этнографии. До своей смерти в 1903 г. Радде успел опубликовать несколько томов, но описать этнографические коллекции музея так и не смог. В бумагах покойного не оказалось никаких материалов для четвертого тома. Видимо, вникнув в состав этнографических коллекций музея, Радде признал их недостаточно полными для систематического изображения материальной культуры народов Кавказа. Кроме того, он понимал, что справиться с подобной задачей одному, без содействия специалистов, ему не удастся [9, с. 1].

Пополнение этнографических коллекций было продолжено и после смерти Радде в 1903 г. За период с 1904 по 1908 гг. количество предметов только отдела этнографии увеличилось на 1400 единиц [20, л. 23]. Рост числа экспонатов вновь актуализировал вопрос о расширении помещений музея. В 1907 г. кавказский наместник граф И.И. Воронцов-Дашков выступил с идеей постройки для музея нового здания [20, л. 2]. Предложение после длительных согласований было

поддержано, в связи чем в 1913 г. экспонаты музея были сложены в ящики для переезда в новое помещение, а сам музей был закрыт для посетителей.

Результаты. Несомненным достоинством созданного Г. И. Радде музея, было то, что он целиком был посвящен Кавказу. Даже внешняя отделка комнат в восточном стиле отражала колорит региона. Обитая материями местного производства мебель музея, ковры, фрески на стенах, с сюжетами из кавказского эпоса, карнизы, оконные украшения, занавеси – все представляло то или другое местное произведение, тот или другой тип местного вкуса, создававшегося под влиянием восточных народов и постепенно утрачивающийся под влиянием российской модернизации и продолжающихся интеграционных процессов. Таким образом, музей стал важным региональным центром сохранения для потомков сведений о традиционной культуре местного населения.

С другой стороны, в условиях, когда научное знание о народах региона только формировалось, Радде не мог претендовать на представление в музее четко систематизированной этнической картины. Музей отражал не столько научные знания по этнографии Кавказа, сколько его образ, сформировавшийся в массовом сознании современников. Отсюда упор на эффект, вместо научности.

Следует признать, что важной целью создания и функционирования музея была политическая. Его этнографические коллекции демонстрировали многообразие местных народов, недавно ставших подданными российского императора и тем самым подчеркивали мощь и величие империи в целом. Неслучайно власть поддерживала Радде во всех его начинаниях, а само здание музея было построено в центре г. Тифлиса, напротив дворца кавказского наместника. При этом не следует умалять научно-просветительского значения Кавказского музея, объективно способствующего приращению знания о регионе. Экспозиции этнографического отдела, а также публикуемые Радде путеводители, способствовали широкой популяризации сведений о традиционной культуре и быте народов Кавказа среди российской общественности.

Литература

1. Ган К. Ф. Биография Г. И. Радде // Коллекции Кавказского музея. Т. VI. Тифлис: Типография канцелярии кавказского наместника, 1912. С. 65–172.
2. Дугинец С. М. Десять лет истории Северо-Кавказского краевого музея горских народов им. Большевика Муссы Кундухова (1926 – 1936 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 23. № 1. С. 35–41.
3. Жордания Г. Г. История возникновения Кавказского музея. К истории изучения Государственного музея Грузии. Тбилиси: Издательство АН ГССР, 1951. 199 с.
4. Зейдлиц Н. К. В ответ на заметку г. Радде // Кавказ. 1889. № 56. С. 2.
5. Зейдлиц Н. К. В ответ на заметку г. Радде // Кавказ. 1889. № 91. С. 2–3.
6. Кавказский музей. Местные известия // Кавказ. 1881. № 115. С. 2.
7. Кеппен Ф. П. Несколько слов о Кавказском музее. Санкт-Петербург, Типография В.С. Балашева и К, 1896. 16 с.
8. Колесникова М. Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX в. 2-е изд., доп. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 496 с.
9. Коллекции Кавказского музея. Т. VI. Тифлис: Типография канцелярии кавказского наместника, 1912. 366 с.
10. Комарова Н. Г. Создатель Кавказского музея – Г.И. Радде // Жизнь Земли. 1980. Т. 15. С. 193–196.
11. Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. // Кавказский этнографический сборник. Москва: Наука, 1958. Вып. 2. С. 139–274.

12. Мензбир М. А. Русские естественно-исторические общества и университеты // Русская мысль. 1892. № 8. С. 155–181.
13. Надеждин П. П. Несколько слов о Тифлисском музее и Тифлисской публичной библиотеке // Кавказ. 1871. № 8. С. 2.
14. Отчет о Кавказском музее в день его официального открытия (2 января 1867 г.), представленный директором музея // Кавказ. 1867. № 33. С. 189–191.
15. Отчет о Кавказском музее в день его официального открытия (2 января 1867 г.), представленный директором музея // Кавказ. 1867. № 35. С. 199–200.
16. Отчет о Кавказском музее в день его официального открытия (2 января 1867 г.), представленный директором музея // Кавказ. 1867. № 36. С. 203–204.
17. Радде Г. И. Краткий очерк истории развития Кавказского музея в первые 25 лет существования с 1 января 1867 г. по 1 января 1892 г. Тифлис: Типография А.А. Михельсона, 1891. 68 с.
18. Радде Г. И. Краткий путеводитель Кавказского музеума. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1870. 42 с.
19. Радде Г. И. Краткий путеводитель по Кавказскому музею. Тифлис: Типография А.А. Михельсона, 1891. 88 с.
20. Российский государственный исторический архив (далее - РГИА). Ф. 733. Оп. 145. Д. 171.
21. РГИА. Ф. 733. Оп. 145. Д. 480.
22. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 69.
23. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 73.
24. Токарев С. А. История русской этнографии. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 656 с.
25. Jersild Au. Orientalism and empire: North Caucasus Mountain peoples and the Georgian frontier, 1845-1917. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 2002. 253 p.

References

1. Gan K. F. Biography of G.I. Radde in Collections of the Caucasus Museum. Vol.VI. Tiflis: The office of the Caucasus Viceroy print; 1912. P. 65-172. (In Russ.)
2. Duginets S. M. Ten Years of History of the North Caucasus Regional Museum of Mountain Peoples Named After the Bolshevik Mussa Kundukhov (1926–1936). *Gumanitarny'e i yuridicheskie issledovaniya*. 2023;1:35-41. (In Russ.)
3. Zhordania G. G. The history of the emergence of the Caucasus Museum. On the history of the State Museum of Georgia studying. Tbilisi: Publishing House of the Academy of Sciences of the GSSR; 1951. 199 p. (In Russ.)
4. Seydlitz N. K. In response to Mr. Radde's note. *Kavkaz*. 1889;56:2. (In Russ.)
5. Seydlitz N. K. In response to Mr. Radde's note. *Kavkaz*. 1889;91:2-3. (In Russ.)
6. Caucasus Museum. Local news. *Kavkaz*. 1881;115:2. (In Russ.)
7. Keppen F. P. Some words on the issues of the Caucasus Museum. St. Petersburg, Printing house V.S. Balasheva and K; 1896. 16 p. (In Russ.)
8. Kolesnikova M. E. North Caucasian historiographic tradition: second half of the XVIII-th - early XX-th cc. 2nd ed., add. Stavropol: SSU Publishing House; 2011. 496 p. (In Russ.)
9. Collections of the Caucasus Museum. Vol.VI. Tiflis: Printing office of the Caucasus viceroy; 1912. 366 p. (In Russ.)
10. Komarova N. G. G.I. Radde - the creator of the Caucasus Museum. *Zhizn' Zemli*. 1980;15:193-196. (In Russ.)
11. Kosven M. O. Materials on the history of ethnographic study of the Caucasus in Russian science in Caucasian ethnographic collection. Moscow: Nauka; 1958. Vol. 2. P. 139–274. (In Russ.)
12. Menzbir M. A. Russian natural history societies and universities. *Russkaya my'sl'*. 1892;8:155-181. (In Russ.)
13. Nadezhdin P. P. Some words on the Tiflis Museum and the Tiflis Public Library. *Kavkaz*. 1871;8:2. (In Russ.)
14. Report on the Caucasus Museum on the day of its official installation (January 2, 1867), presented by the director of the museum. *Kavkaz*. 1867;33:189-191. (In Russ.)
15. Report on the Caucasus Museum on the day of its official installation (January 2, 1867), presented by the director of the museum. *Kavkaz*. 1867;35:199-200. (In Russ.)
16. Report on the Caucasus Museum on the day of its official installation (January 2, 1867), presented by the director of the museum. *Kavkaz*. 1867;36:203-204. (In Russ.)
17. Radde G. I. A brief outline of the history of the development of the Caucasus Museum in the first 25 years of its existence from January, 1, 1867 to January, 1, 1892. Tiflis: Printing house of A.A. Mikhelson; 1891. 68 p. (In Russ.)
18. Radde G. I. A short guide to the Caucasus Museum. Tiflis: Printing house of the Main Directorate of the Caucasus Viceroy; 1870. 42 p. (In Russ.)
19. Radde G. I. A short guide to the Caucasus Museum. Tiflis: Printing house A.A. Mikhelson; 1891. 88 p. (In Russ.)
20. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 733. Inv. 145. D. 171. (In Russ.)
21. RGIA. F. 733. Inv. 145. D. 480. (In Russ.)
22. RGIA. F. 733. Inv. 203. D. 69. (In Russ.)
23. RGIA. F. 733. Inv. 203. D. 73. (In Russ.)
24. Tokarev S. A. History of Russian ethnography. Moscow: Institute of Russian Civilization; 2015. 656 p. (In Russ.)
25. Jersild Au. Orientalism and empire: North Caucasus mountain peoples and the Georgian frontier, 1845-1917. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press; 2002. 253 p.